

УДК 82.0
ББК 83 + 83.3(2Рос=Рус)

КАРТОГРАФИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ФЕНОМЕНУ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ВЯЧ. ИВАНОВА)

© 2020 г. С.В. Федотова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 23 апреля 2020 г.

Дата публикации: 25 декабря 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-38-65>

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-112-50153 «Экспансия»*

Аннотация: Предметом статьи является многоаспектное изучение русского символизма как одного из самых ярких направлений отечественной литературы XX в., определивших развитие модернизма в России. В контексте парадигмы метамодернизма рассмотрение современного состояния научной рефлексии о символизме представляется весьма актуальным. Концентрация внимания на фигуре Вячеслава Иванова, поэта-символиста, ведущего теоретика этого направления и религиозного мыслителя, обусловлена тем, что он играл важную роль в литературном процессе Серебряного века. Целью статьи является картография методологических подходов, характерных для современного иванововедения. Материалом исследования служит совокупность наиболее интересных иванововедческих работ, появившихся за последние десятилетия. Помимо традиционных филологических и критических подходов, возросло количество интерпретаций художественных и теоретических произведений Иванова с применением новых ракурсов рассмотрения его творческого наследия: философского, лингвофилософского, культурологического, религиозно-аксиологического, психоаналитического, герменевтического, интертекстуального, компаративистского и др.

Ключевые слова: русский символизм, Вяч. Иванов, иванововедение, критика, филология, теория литературы, картография методологических подходов, гуманитаристика, метамодернизм.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: luica-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. Картография методологических подходов к феномену русского символизма (на примере творчества Вяч. Иванова) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 38–65. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-38-65>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

MAPPING OUT METHODOLOGICAL APPROACHES TO RUSSIAN SYMBOLISM (ON THE EXAMPLE OF VYACHESLAV IVANOV)

© 2020. S.V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: April 23, 2020

Date of publication: December 25, 2020

Acknowledgements: This article was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no 19-112-50153 "Expansion".

Abstract: This article is a multidimensional study of Russian symbolism as one of the most prominent 20th century literary schools that had a major impact on the development of Russian modernism. The current state of art in the field of modernism is relevant in the context of the metamodern paradigm. The article specifically focuses on the figure of Vyacheslav Ivanov, symbolist poet, leading theoretician of this literary school, and religious thinker who played important role in the development of the so-called Silver Age in Russian literary history. The purpose of the article is to map out methodological approaches, representative of contemporary studies of Vyach. Ivanov. The study bears on the corpus of the most interesting works on Ivanov in the past decades. It demonstrates that besides traditional philological readings, there are a number of novel approaches to the poet's heritage based on philosophical, linguophilosophical, cultural, religious-axiological, psychoanalytic, hermeneutic, intertextual, or comparative perspective.

Keywords: Russian Symbolism, Vyacheslav Ivanov, Ivanov studies, criticism, philology, literary theory, cartography of methodological approaches, humanities, metamodernism.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova S.V. Mapping out Methodological Approaches to Russian Symbolism (on the Example of Vyacheslav Ivanov). *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 4, pp. 38–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-38-65>

I

Если рассматривать кризис современной гуманитарной науки в свете теории научных революций, можно предположить, что мы присутствуем при смене культурной парадигмы: появление множества *спекулятивных и туманных теорий* (Т. Кун) — тому прямое подтверждение. Особенно популярна сегодня концепция *метамодернизма*, которая подразумевает парадигмальный поворот от эпистемологического скептицизма и радикального релятивизма постмодерна к «новой искренности», реализму и модернизму — короче говоря, к ностальгическим попыткам обновления наших представлений о природе реальности и сущности искусства.

Возвращение к модернизму на новом витке истории благоприятствует рассмотрению современного состояния научной рефлексии о русском символизме как одном из самых влиятельных направлений отечественной литературы и культуры XX в., который называют *Russische Moderne*, увязывая с европейским романтизмом [2, с. 9].

В этом контексте выдвижение на передний план Вячеслава Иванова выглядит вполне обоснованным. Уже М. Бахтин говорил о неоченимом значении Иванова как мыслителя, поэта и учителя, без которого русский символизм пошел бы по другому пути. Та же мысль — но в несколько ином ракурсе — проводится в новейшем исследовании, где Иванов выступает в качестве одного из создателей дискурса модернизма, языка его самосознания и самоописания. Ивановские же философско-эстетические идеи понимаются как «матрица», «на которую отчасти проецировались и в терминах которой во многом осмыслялись новые художественные практики революционной и пореволюционной эпохи» [46, с. 98].

Предлагаемая картография методологических подходов¹ к символизму Иванова нацелена прежде всего на их описание и определенную систематизацию, а не на рассмотрение этого литературного феномена как такового. Сознвая сложность поставленной задачи, связанную не только с необозримостью поля существующих на сегодня исследовательских интерпретаций, но и с многомерностью (не всегда отрефлексированной) их методологических установок, приходится смириться с тем, что предпринятая попытка окажется по необходимости схематичной и будет носить сугубо предварительный характер.

Хронологические рамки предлагаемого обзора – последние два десятилетия. Нижняя граница определяется работой Памелы Дэвидсон «Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995)» (1996), в которой проанализированы четыре этапа рецепции ивановского творчества. От появления Иванова в русской культуре порубежной эпохи до его вхождения в литературный канон как поэта, теоретика и идеолога символизма (1903–1924); вслед за периодом почти полного забвения в середине века, особенно на родине (1925–1961), намечается возвращение интереса к его наследию в западной и отечественной науке (1962–1985), после чего развертывается процесс бурного развития ивановедения (1986–1995) [9, т. 2, с. 552–569].

Общий вывод Дэвидсон таков: ни в прижизненных, ни в посмертных публикациях не было полностью осмыслено «замечательное постоянство взглядов и цельность духа Иванова», которое обнаруживается во всех его сочинениях. Современная филологическая мысль все еще далека от целостного понимания многогранного творчества и личности поэта, без которого невозможно сколько-нибудь полное представление о его месте как в европейской, так и в русской культуре. «Такова ирония истории литературы», что в посмертной судьбе Иванова, всегда стремившегося к синтезу и тонкому балансу между поэзией, философией и наукой, «столько фрагментарного» [9, т. 2, с. 569]. Замечание об «иронии истории литературы» дает повод повернуть обзор английской исследовательницы в методологическую плоскость и задуматься об установках не только обозреваемых авторов, но и самого обозревателя.

¹ Данная установка опирается на идею «картографии дискурсов о литературе», выдвинутую С.Н. Зенкиным [21, с. 11–30].

Так, на втором этапе, предваряющем собственно научное изучение наследия Иванова, неслучайно выделяются работы Ольги Шор (Дешарт), Федора Степуна и Виктора Гофмана: в них можно увидеть герменевтико-феноменологический, феноменолого-культурологический и эстетико-стилистический методы, наиболее адекватные «предмету». Масштабное жизнеописание Иванова, подготовленное О. Дешарт для брюссельского собрания сочинений, относится к герменевтико-феноменологическому типу². «Земной судьбы моей толмач» — так назвал поэт своего первого биографа, «совопросника» и верного друга, полагая, что она как никто другой знает и понимает всю его жизнь и все его творения. Степун дает целостное феноменологическое описание «глубокомысленного интуитивно-спекулятивного мирозерцания» Иванова, религиозного символизма и синтетического стиля его теоретических работ, освещенных лучом религиозно-философской мысли, которая «легко и естественно пронизывает все от искусства к политике ниспадающие планы современной культуры» [9, т. 1, с. 588]. По мысли Степуна, сущность русского модернизма, с присущим ему мистическим мировидением, нашла наиболее полное воплощение в символизме, «истинным основателем и глубоким теоретиком» которого был Иванов [40, с. 221]. Та же мысль лежит в основе очерка Гофмана «Язык символистов» (1937), представляющего первое в советской науке системное описание стилистических приемов поэтов символической школы во взаимосвязи с их метафизическими воззрениями (от мистико-религиозных до лингвоэстетических).

На следующем этапе становление ивановедения, разделенного на две ветви, российскую и зарубежную, идет в несколько разных направлениях. С начала 1960-х гг. в западной славистике начинается серьезное изучение философско-эстетических взглядов, теории символа и мифа, а также поэтики Иванова в контексте русской и европейской культуры. Здесь наблюдается широкий спектр методологических подходов: эстетический, проблемно-тематический, компаративистский, культурно-исторический (например, сопоставление мировоззрения и символистской поэзии Иванова с творчеством Данте как представителя средневековой католической традиции, а его эстетики — с теорией карнавала Бахтина и т. д.). В россий-

2 Классификацию типов биографизма см.: [38, с. 114–118].

ском иванововедении этого периода преобладающими являются архивные разыскания и публикации, но почти полностью отсутствуют обобщающие аналитические работы. Дэвидсон объясняет это стремлением российских исследователей избежать глубоко укоренившегося идеологического подхода, инерция которого отмечается, в частности, в статьях З. Минц, которая педалировала такие темы, как отношение поэта к революции 1905 г. или монархические тенденции в некоторых произведениях раннего периода. Отдельно подчеркивается значение стиховедческих работ М. Гаспарова.

На последнем этапе фиксируется сближение двух потоков, связанное с изменением общественно-политического строя в России. В это время резко увеличивается количество публикаций, посвященных Иванову, расширяется их тематика и проблематика, восстанавливаются биографические и культурно-исторические связи поэта с современниками на разных этапах его жизни и творчества. Тем не менее очевидно, что Дэвидсон не меняет своего мнения о диспропорции между объемом аналитических и фактографических работ в западной славистике и российской науке.

Здесь приходится отметить и наличие определенной асимметрии в самом обзоре, поскольку в нем опущены некоторые моменты, важные для нашей гипотетической карты. Прежде всего это относится к изучению модернизма в рамках структурализма в западной славистике и тартуско-московской семиотической школе. Так, в обзоре не упоминается фундаментальный труд А. Ханзена-Лёве о русском символизме как системе поэтических приемов, хотя первый том (1989) относится к обозреваемому периоду. Правда, он посвящен раннему, «декадентскому» этапу, но и здесь Иванову отводится значительное место. Во второй же части — «Мифопоэтический символизм» [44] — поэзия Иванова окажется в центре внимания исследователя наряду с произведениями «младших» символистов.

Точно так же «не замечаются» работы З. Минц о поэтике и мифопоэтике русского символизма, в которых сочетаются структурный и эволюционный подходы: кроме всего прочего, в них идет речь о таких доминантных характеристиках символизма, как *панэстетизм*, *неомифологизм* и *жизнетворчество*. Хотя Минц считала поэзию Иванова вполне традиционной, она видела в ее авторе идейного лидера, теоретика, разработавшего концептуальный и образный язык, который существенно определил «новое искусство» 1905–1907 гг. [32]. Интересно, что в самой концепции *неомифо-*

логизма, предложенной Минц, можно усмотреть «сублимацию» ивановской теории мифа³. То же самое может быть сказано о работах В. Топорова, который развивал теорию религиозно-обрядового происхождения трагедии и описывал архаические схемы мифологического мышления в поэтике Достоевского⁴ в структурно-антропологическом ключе, с опорой на ивановские идеи. Добавим, наконец, что именно структурно-семиотическое прочтение жизни и творчества Иванова как единого текста, построенного на «тотальной семиотизации», семантическом контрапункте, антиномичности смысла, дается в глубокой аналитической статье А. Барзаха⁵. По-видимому, восходящий к формалистам структурно-семиотический подход оказался для Дэвидсон чуждым; между тем он до сих пор остается востребованным в качестве метаязыка научного анализа.

Второй, еще более важный момент состоит в том, что в обзоре присутствует М. Гаспаров, но «зияет своим отсутствием» С. Аверинцев. Статья Аверинцева «Поэзия Вячеслава Иванова», открывавшая первое издание стихотворений поэта в СССР (1976), как раз и была попыткой (по тем временам более чем успешной) дать целостное описание жизненного и творческого пути поэта. Кроме того, Аверинцев был самым проникновенным истолкователем религиозно-философской мысли и сложной системы символов Иванова, продолжая линию О. Дешарт и Ф. Степуна. Его синтетический метод «понимающей герменевтики», выходящей за рамки традиционной филологии, но соблюдающей все ее предметные требования (О. Седакова), избегает цеховой терминологии структуралистов, бахтинистов или постмодернистов. Подход Аверинцева нацелен на *понимание* поэта в рамках *инонауки*, требующей *иной рациональности* (не сциентистской по своей природе). Значение Аверинцева в иванововедении трудно игнорировать еще и потому, что во всех дискуссиях вокруг Иванова он всегда был на стороне мэтра, в то время как для Гаспарова Иванов-поэт был, по

3 См.: Мурашов Ю. Дионисийство символизма и структуралистская теория мифа (Вячеслав Иванов и Юрий Лотман/Зара Минц) [9, т. 2, с. 122–131].

4 См.: Плюханова М. Архаика Достоевского у Вяч. Иванова и его последователей [24, с. 103–130].

5 Ср. точное высказывание Барзаха о поэзии Иванова: «Тексты Иванова привлекательны, быть может, как раз тем, что не позволяют расслабиться, требуют непрекращающегося и вознаграждаемого усилия для высветления самой “смысловой материи”, усилия, которое и есть, в сущности, то самое переживание смысла, что для Иванова было, в конечном счете, тождественно с богочувствованием» [3, с. 29].

оценке Д. Магомедовой, скорее *антигероем*. Его символизм рассматривался ученым как мировоззрение, которое при точном научном анализе должно быть редуцировано, а стиль ивановской поэзии определялся, с риторической точки зрения, как «декларативно-программный», аллегорический [18, с. 295–296]. Иначе говоря, позитивистский подход Гаспарова и философско-филологическая установка Аверинцева прямо противоположны. Вместе с тем эти две тенденции, проявившиеся внутри отечественной науки о литературе, внешне непримиримые, по сути дополняют друг друга и равно необходимы для развития филологии⁶.

С учетом этих добавлений к обзору Дэвидсон карта методологических подходов к освоению феномена символизма Иванова на протяжении XX в. приобрела определенные очертания. Противоположными полюсами на ней оказались «понимающая герменевтика» и структурализм. К этим пределам так или иначе стремятся: феноменолого-культурологический, философско-эстетический, эстетико-стилистический, проблемно-тематический, компаративный, идеологический, мифопоэтический, структурно-семиотический, стиховедческие и семантико-поэтические методы анализа. Особую нишу занимает академическое литературоведение, сосредоточенное собственно на истории литературы (архивных разысканиях, текстологии, реконструкции биографического и историко-литературного контекста).

Если принять во внимание «металингвистику» М. Бахтина, альтернативную лингвистической поэтике (структурализму), а также бахтинский «диалогизм», который в западной славистике, с легкой руки Ю. Кристевой, был истолкован как интертекстуальность (одно из базовых понятий постструктурализма), то конфигурацию всех вышеупомянутых подходов можно представить сквозь призму дихотомии сциентизма/«инонаучности»; такая оптика высвечивает оппозиции монологизма/диалогизма, объектности/субъектности, (интер)текстуальности/контекстуальности, фактологии/смыслопорождения и т. д.

Вообще говоря, после «эпистемологического анархизма», заявленного П. Фейерабеном в его знаменитой работе «Против метода. Очерк анархистской теории познания» (1965), любое рассуждение о строгости научной методологии выглядит сциентистским анахронизмом. Названные

6 См.: Магомедова Д.М. Работы М.Л. Гаспарова о Вяч. Иванове [14, с. 677–683].

методологические подходы были критически переосмыслены в постструктурализме 1960–1980-х гг., основательно подорвавшем престиж научного познания. Тем не менее наука о литературе пока существует, хотя ее фундаментальные категории (литература, автор, реальность, читатель, язык, история, ценность) претерпели серьезные модификации под прицелом постструктуралистской и постмодернистской критики рациональности и метафизических («больших») нарративов. Это привело к размыванию общих представлений о специфике литературы и, соответственно, к усилению позиций плюрализма (или эклектизма) и междисциплинарного подхода к методологии ее изучения.

Примером последнего могут послужить работы А. Эткинда и И.П. Смирнова. В книгах Эткинда «Эрос невозможного: История психоанализа в России» (1993) и «Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века» (1995) эстетические идеи и мистико-эротические практики символистов рассматриваются сквозь призму психоаналитических концептов. Смирнов в книге «Психодиахронологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» (1994) оперирует метаязыком, совмещающим терминологию психоанализа, логики, диахронической культурологии и постструктурализма. Культурный текст модернизма рассматривается здесь через фрейдистскую категорию невроза: психотип «старших» символистов, вслед за М. Нордау, определяется как истерический, «младших» — как обсессивный. Постсимволисты (футуристы) ожидаемо относятся к садистскому типу. Вопрос о том, насколько литература в рамках таких междисциплинарных проектов сохраняет свою идентичность, остается открытым. Однако очевидно, что в современной гуманитаристике происходят тектонические сдвиги.

2

Обратимся к последним двум десятилетиям иванововедения. В постсоветской России усиление «эпистемологического анархизма» происходило на фоне культурного взрыва, если воспользоваться метафорой Ю. Лотмана. Одну из самых серьезных проблем для исследователей русского модернизма в этот период представляло включение в научный дискурс «иррациональных» компонентов Серебряного века (философско-религиозного, мистического, оккультного характера). Обозначенные выше тенденции

сциентизма/«инонаучности» в целом и здесь сохраняют свои позиции, но и они меняются, отвечая на вызовы времени.

К полюсу сциентизма по-прежнему тяготеют академические исследования (текстологические, фактографические разыскания). В эту переломную эпоху усилиями историков литературы, архивистов и текстологов, издаются двусторонние переписки раннего, «досимволистского» Иванова, которые дают представление о становлении его характера, формировании научных и философских взглядов, круге его общения и чтения и т. д. [23; 25]. Появляются документальные хроники, имеющие огромное значение для воссоздания биографии Вяч. Иванова и его ближайших современников в России [5] и Европе [54].

Но интересно, что и академически ориентированные ученые расширили тематику исследований модернизма, создавая документированную основу для ранее неизвестных или табуированных тем, причем в разном ключе. Возьмем, к примеру, знаменитую петербургскую Башню Иванова. С одной стороны, она предстает как средоточие философско-эстетического диалога модернистов, по типу платоновских «симпозионов» (А. Шишкин) [48]. С другой — как центр их мистико-эротических экспериментов и оккультных увлечений (кружок «гафизитов», «тройственные» союзы, общение с оккультисткой А. Минцловой) (Н. Богомолов) [6]. Параллельно исследуются штейнерианские мотивы в поэзии и прозе Иванова 1907–1919 гг. (Г. Обатнин) [34]. Совершенно в ином ключе прозвучала эта тема в книге С. Аверинцева, написанной в жанре интеллектуальной биографии поэта, в которой реконструируется непростой, но, безусловно, христианский духовный путь Иванова. Оккультные интересы трактуются здесь как короткий период духовных блужданий, свойственных синкретической модернистской культуре [1]⁷.

В противоречивости феномена Вячеслава Великолепного сомневаться не приходится. Именно поэтому здесь одинаково правомерны и историко-литературный, и фактографический, и текстуальный, и философско-филологический подходы: дополняя друг друга, они могут дать адекватное представление о «разноречиях и связности» мысли Иванова. К сожалению,

7 Ср. критическую оценку книги Аверинцева В. Кантором, с итоговим выводом которого согласился бы и сам автор: приобщаясь к творчеству Иванова, «входя в его жизнь, мы приобщаемся к одной из самых проблемных страниц в истории русской культуры» [26, с. 343].

во многих современных публикациях названные фактографические разыскания и целостные концептуальные исследования воспринимаются не в модусе взаимодополнительности, а как «последняя правда», с одной стороны, и как «апологетический миф», с другой.

Вместе с тем в этот период возрос интерес и к вопросу о месте Иванова в русской религиозной философии. К нему чаще подходили с точки зрения выявления творческих и личностных взаимоотношений с П. Флоренским, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, В. Эрном, Л. Шестовым и др. В таком же ракурсе, хотя и в более аналитическом модусе, расширялись представления о соотношении ивановского символизма и нищезанятия с метафизикой всеединства и софиологией Вл. Соловьева, а также с имяславием и теорией М. Бахтина. Преобладающими до сих пор остаются тематические и аксиологические аспекты сопоставления, а не концептуальный сравнительный анализ символизма Иванова и русских философов, так или иначе испытывших на себе его влияние.

В 2010-е гг. появляется ряд исследований, в которых предпринимаются попытки найти адекватные подходы к символизму Иванова, исходя из имманентных законов его поэтической и философской мысли. Здесь прежде всего отметим новаторские лингвофилософские работы Людмилы Гоготишвили. Она рассматривала ту линию символизма, зачинателем которой был Вяч. Иванов, а завершителем — А. Лосев, на фоне острых дискуссий начала прошлого века о языке и сознании, о смысле и формах его выражения в контексте противостояния двух направлений европейской философии — неокантианства и феноменологии. В таком ракурсе русский символизм и имяславие представляют интерес прежде всего своими интеллектуальными «техниками», которые требуют адекватной рецепции в современной гуманитарной мысли [20]. К ним относятся механизмы непрямого (символического) выражения в сознании и языке созерцаемого эйдетического (чистого) смысла. Влияние предикативной теории символа Иванова, которую Гоготишвили обосновала в качестве «антиномического принципа» его мифологического символизма, было ею концептуально выявлено — в феноменологическом ключе — в философии языка Лосева и концепции *двуголосого слова* Бахтина [19].

Практически одновременно с книгой Гоготишвили выходит в свет монография Роберта Бёрда “The Russian Prospero: The Creative Universe of

Viacheslav Ivanov". Основная ее задача — дать целостную интерпретацию ивановской креативности (во всех ее аспектах), а также определить, в чем она перекликается с современным гуманитарным дискурсом. Англо-американский ученый уверен, что его подход к Иванову может быть полезен и для понимания любого другого представителя Серебряного века, поскольку поэт был «образцовым модернистом» (“consummate modernist”). Суть этого комплексного подхода заключается в выборе адекватных методов рассмотрения отдельных аспектов творчества (динамического, мифопоэтического, интеллектуального конструирования). В историософской и эстетической эссеистике Иванова Бёрд видит эффективную герменевтическую теорию, коррелирующую с философской герменевтикой Поля Рикёра; она и становится «инструментом» бёрдовской интерпретации творчества поэта-символиста [51].

В этой связи отметим появившиеся тогда же работы западных славистов, по-разному развивающих «инонаучный» (в широком смысле — герменевтический) подход к русскому модернизму в целом и наследию Иванова в частности. Единство герменевтики Слова — герменевтики Культуры — герменевтики Духа системно изучает польский ученый А. Дудек, реконструируя целостную (теологическую) систему культурологических взглядов поэта-символиста в широком европейском контексте [53]. М. Цимборска-Лебода, соотечественница Дудека, рассматривает концепцию Эроса как философско-антропологическую категорию и связующий принцип построения текстов Иванова, максимально расширяя поле компаративистского анализа (Платон, блаж. Августин, неоплатоники М. Бубер, П. Клодель, К. Юнг, М. Бахтин, Э. Левинас, П. Тиллих) [45]. Л. Силард выстраивает другую генеалогическую линию: итальянский гуманизм, немецкий романтизм и русский символизм — все они связаны интересом к тайному знанию (герметизму), или эзотерической метафизике. При таком подходе Иванов выступает центральной фигурой не только как предмет изучения, но и как теоретик герменевтического метода, которому следует венгерская исследовательница [39].

С других позиций написан фундаментальный труд Ф. Вестбрука, посвященный критическому анализу филологических и философских истоков ивановского учения о Дионисе и трагедии. Нидерландский ученый приходит к следующим выводам: филологические исследования Иванова, со-

ставляющие один из важнейших элементов его творчества, в целом нельзя считать исключительно научными работами. Они свидетельствуют о личных религиозно-философских исканиях автора и являются любопытными следами духовного климата рубежа двух столетий, с присущим ему стремлением найти выход из общего культурного кризиса (на религиозном, социально-политическом, нравственном, эстетическом уровнях). Несмотря на обстоятельные занятия филологией, Иванов в первую очередь – религиозный мыслитель. В основе его философии лежит идея страдающего бога, в которой органически сливаются хтоническая и мистическая Эллада, евангельская надежда на воскресение, немецкий романтизм и русская духовная философия. Если бы дионисийские исследования Иванова своевременно вступили в международную научную дискуссию прошлого века, их ожидала бы та же критика и хвала, которыми было встречено «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше [8, с. 267–274].

Магистральной линией отечественной науки в это время остается расширение источниковедческой базы иванововедения, сравнительно-исторические и биографические исследования, посвященные реконструкции взаимоотношений Иванова с современниками. Как правило, они строятся по типу «Иванов и имярек» в контексте философских и литературных дискуссий, сближений и противодействий, а также житейских и профессиональных связей. Много сделано в выявлении роли Иванова в художественном самоопределении постсимволистов (акмеистов и футуристов). Перспективным направлением остается контекстуальный анализ, нацеленный на освещение комплекса идей Иванова, которые преломились в театральных, музыкальных, художественных проектах дореволюционного периода и в первые годы советской власти (особенно в зарождающейся теории отечественного киноискусства)⁸.

Благодаря введению в научный оборот огромного пласта неизвестных ранее биографических, мемуарных и эпистолярных материалов воссоздана подробная фактографическая и литературно-историческая картина русского модернизма в целом и развития символистского движения в частности. Для создания летописи жизни и творчества мэтра символизма, необходимость которой давно «созрела», большое значение имеют работы

8 Подробнее обзор исследований по разнообразной тематике см.: [43].

Н. Котрелева, Н Богомолова, М. Вахтеля, А. Лаврова, Г. Обатнина, А. Соболева, А. Шишкина, Е. Глухой и многих других.

Несомненным достижением академического литературоведения последнего периода является издание первого тома собрания сочинений Вячеслава Иванова, который включает в себя сборник его философских, эстетических и критических статей «По Звездам» (1909) [22]. Том состоит из двух книг: «Тексты» и «Примечания», причем вторая намного объемнее. Основную проблему комментирования текстов участники проекта (К. Кумпан, Г. Обатнин, А. Соболев и др.) видели в специфически ивановском типе «реминисцентной полифонии», выделяющей поэта даже на фоне общеизвестного «цитатного полигенетизма» символистов.

Параллельно развивается линия интерпретаций сочинений самого поэта, с привлечением новых — генерализующих и спецификаторских — ракурсов анализа, включая философские, культурологические, религиозные, мистические. Иными словами, традиционное литературоведение все активнее задействует философский дискурс для того, чтобы найти адекватный для описываемого феномена терминологический аппарат. С этой же целью привлекаются альтернативные подходы к изучению литературы, актуальные для западноевропейской мысли (ритуально-мифологический, феноменологический, герменевтический, а также постструктуралистский и деконструктивистский), которые могут сочетаться в разных конфигурациях.

Эти научные усилия нашли отражение в немалом количестве сборников научных статей [4; 10–17; 24], в том числе фestsрифтов, посвященных виднейшим специалистам в области русского модернизма [33; 36; 37; 52], в которых представлены как архивные материалы, так и исследования. Значительно расширилась тематика и проблематика изучения творчества поэта, варьируются методы осмысления эстетики и теории символизма. Нельзя не отметить здесь концептуальную работу К. Исупова об эстетике новой архаики в русском модернизме [9, т. 2, с. 570–600]. Отдельного внимания заслуживает освоение концепции дионисийского мифа и трагедии. См., например, разнообразные по методологии исследования (генетические, интертекстуальные, рецептивные), посвященные историко-религиозным и философским основаниям ивановской концепции дионисийства и ее проекциям в художественной и жизненной практике [15]. Большой интерес представляют обобщающие концептуальные подходы к освоению литера-

турно-критических работ Иванова, прежде всего о Достоевском [27; 47]. Появляются исследования, рассматривающие теории Иванова в контексте становления исторической поэтики [41], рецепцию Ивановым идей А. Веселовского [29], его взаимоотношения с формалистами [11, с. 412–432; 31; 35; 50]. Внимание к поэзии Иванова — ее стилистическому своеобразию, жанровой структуре, основным мотивам, системе символов, мистическим, литургическим дискурсам, стиховедческим, а также переводческим аспектам — несомненно возросло. Особенно привлекательна для исследователей мифопоэтика Иванова. В качестве примера остановимся на двух работах.

Для В. Полонского, рассматривающего динамику жанра в русской литературе конца XIX — начала XX в., ивановская мелопись «Человек» является образцом мифопоэтизации, доведенной до логического предела своих формальных возможностей (в аспекте движения к синкретизму художественных форм и поисков выхода из их эстетической замкнутости к слиянию с ритуальным модусом словесного акта) [38, с. 76–81]. С. Титаренко видит в мифопоэтике Иванова уникальную индивидуально-авторскую стратегию, организующую все уровни и грани творчества и жизни поэта-символиста. Противоречивостью феномена Вяч. Иванова обусловлена, надо думать, и многоаспектность исследования, и комбинация самых разных методов, трудносовместимых между собой: культурно-исторического, функционально-генетического, ритуально-мифологического, психоаналитического, структурно-семиотического (Ханзен-Лёве), герменевтического (Аверинцев), интертекстуального, интермедиального. Кроме того, в работе Титаренко произведен анализ онтологических оснований мифопоэтики Вяч. Иванова, связанных с рецепцией философско-символических систем Платона, Августина, Шеллинга, Ницше, Вл. Соловьева, идей мистического христианства и гностико-герметической эзотерической традиции и т. д. [42]. Это исследование весьма показательно в плане размытия оппозиции сциентизма и «инонауки».

Особого разговора заслуживает интертекстуальный подход: он активно задействован при выявлении традиций и конкретных авторов, повлиявших на становление системы философско-эстетических взглядов и поэтического языка Иванова — уже современники видели в его сочинениях «александрийство» и «очарование отраженных культур» (Бердяев). Хотя интертекстуальный анализ стал мейнстримом ивановедения, сама ин-

тертекстуальность понимается по-разному: скажем так, в конструктивном и деструктивном модуле.

Аверинцев, например, объяснял «стратегию цитаты» у Иванова укорененностью поэта в мировой культуре, его верой в личностно-субстанциональное единство всего человеческого рода, ясно выраженное в мелкое «Человек». Отсюда свойственное поэту свободное совмещение разных языковых и культурных явлений, органичное для филолога-классика и полиглота. Ключом к миру Иванова, с этой точки зрения, должна быть не постструктуралистская интертекстуальность, а экзегетика, восходящая к библейской традиции толкования сверткста [9, т. 2, с. 5–14; 10, с. 11–26]. Для оппонентов цитатная плотность ивановских работ свидетельствует не столько о цельности мировоззрения и интеллектуальном кругозоре, сколько о начитанности мэтра и эклектичности его познаний, в том числе в области эзотерики, которые прагматично конструировались поэтом для создания «специфического магического образа автора — той культурной маски, в которой Иванов <...> выступал перед своими современниками» [33, с. 529].

В этом противостоянии прослеживаются — условно — промодернистская (проивановская) и постмодернистская (антиивановская) позиции, которые противоположны по критерию признания/отрицания подлинности референта символического искусства — той самой “realiora”, которую постоянно утверждал поэт. В первом случае задействована «понимающая герменевтика», во втором — интертекстуальность и деконструкция. Создавая определенную интригу вокруг подлинности/фикциональности религиозно-мистической составляющей философско-эстетических взглядов Иванова, они обнажают неотъемлемые установки, определяющие методологические подходы исследователей.

В этом же диапазоне разворачиваются работы, в которых тематизируются герметические, орфические, гностические, каббалистические, масонские, розенкрейцеровские и прочие мотивы у писателей Серебряного века, обнаруженные — на основе интертекстуальных совпадений — поднаторевшими в области эзотерики авторами. Довольно быстро сформировался современный научно-популярный дискурс, характерный для неопозитивистского и атеистическо-гуманистического сознания гуманитариев постсоветской эпохи. В результате вопрос о роли различных «эзотериче-

ских» традиций в мировоззрении и творчестве Вяч. Иванова, как совершенно точно замечает В. Рудич, оказался беспросветно «запутанным», поскольку сама «тема сделалась предметом дебатов, чреватых упрощениями и передержками» [9, т. 2, с. 528–533].

На этом фоне выгодно отличается книга А. Эткинда «Хлыст: Секты, литература и революция», в которой на основе продуманной методологии дается альтернативная история русского модернизма. Автор вписывает его в сектантское движение, совмещая новый историзм, постструктуралистскую филологию, психоанализ и религиоведение. Такой междисциплинарный подход предполагает интерференцию литературных текстов и текстов жизни, позволяет в высказываниях модернистов находить «сектантский интертекст» и связывать его с определенными жизненными практиками девиантного характера. В результате создается увлекательный историко-культурный нарратив, в котором эстетические и жизнетворческие проекты символистов представляются почти неотличимыми от сектантских установок. Первым в этом ряду оказывается, конечно, теоретик религиозного символизма, проповедник дионисийства, русской идеи и «всенародного искусства». Согласно Эткинду, утопическая мысль Иванова, оперирующая категориями оргийного экстаза и мистической общинности (соборности), «радикальна и эротична» [49, с. 176]: она оказала определяющее влияние на «хлыстовствующий» дискурс эпохи, вплоть до концепции карнавала у Бахтина.

Несмотря на явную тенденциозность, «история по Эткинду» отличается свежим взглядом и серьезной аналитикой. Неудивительно, что она стала аксиоматичной для отдельных исследователей, интересующихся феноменом символизма главным образом в религиозно-аксиологическом ракурсе. Так, в показательной работе Н. Бонецкой с многообещающим названием «Дух Серебряного века (феноменология эпохи)», модернизм предстал как *идейная революция*, разрушающая традиционное православие, а все его ведущие представители — как еретики, создатели новой религии. «После “Хлыста” феномен “Башни” можно только уточнять», — утверждает автор, не жалеющий сил для того, чтобы «разоблачить» «хлыстовскую природу ивановского религиозного проекта». Достаточно сказать, что Иванов предстает на этом «суде» «главой сатанинской секты», а его Башня — «языческим капищем». При этом автор далек от понимания проблематики сим-

волизма, не скрывая своей идиосинкразии к «этим самым “символам”» и «пресловутой символистской эстетике» [7, с. 301–407]⁹.

Излишне говорить о прямолинейной идеологичности такого подхода. Тем более он уже подвергся критике, в том числе и с тех же аксиологических позиций. Правда, в эссе Т. Кошемчук попытка «защитить» Иванова оборачивается новыми вердиктами. Бонеецкая обвиняется в «огульном осуждении» и «вранье». Иванововедение трижды виновно: 1) в «полной “научной” описательной открытости в биографических деталях при отсутствии какой бы то ни было аксиологии»; 2) в наличии явного крена исследований в интертекстуальность и мифопоэтику; 3) в создании атмосферы «неприкосновенности» вокруг образа Вяч. Иванова, в чем Аверинцев сыграл ведущую роль. Сочувственно критик относится только к О. Шор: ей пришлось сильно «отлакировать» биографию поэта, умолчать о многих драматических моментах как его собственной судьбы, так и его близких. Восполняя эти «умолчания», автор выходит на «самую глубокую драму жизни Иванова — отказ Рудольфа Штейнера от встречи с ним». Таким образом, в этой версии аксиологического подхода духовный путь поэта оценивается с православно-антропософской (!) точки зрения. Такая установка прочитывается в реплике о том, что в Иванове «кажется, могло бы соединиться с христианством православным и католическим — христианство антропософии» [28]. Это «кажется» многое объясняет в методологии автора, выходящего в сферу зыбких рассуждений о духовном пути поэта, минуя его поэтическое творчество.

Напротив, предельно внимателен к ивановскому тексту Й. Люцканов, который деконструирует «Повесть о Светомире царевиче» любопытным образом — в духе методологии постколониальных исследований. Болгарский ученый считает перспективной свою ориентацию на геокультурологию и геопэтику. Анализируя одно из самых загадочных произведений Иванова с точки зрения «географии культуры», Люцканов производит критику многочисленных источников, определяющих пространственную топикку «Повести...», и приходит к довольно неожиданному выводу: в ней

9 Ср. характерное высказывание: «Не сектантски-замкнутый, но всероссийский, а может быть и всемирный “дифирамб”, кровавая трагедия или хлыстовская оргия — вот сокровенная цель Иванова. Революционные учения Маркса и Ленина — не что иное, как буржуазно-гуманистическое благодушие» [7, с. 331].

присутствует сознательно выстроенная автором «стратегия ориентализма (в смысле Э. Саида) в масштабе христианской вселенной» [30, с. 212]. Речь идет о «монологическом» эллиоцентризме Иванова, который был привит им к культурной мысли России на рубеже XIX–XX вв., закрывая ей доступ к собственным истокам (Византии, ближневосточному христианству). В «Светомире» отмечается поворот от греко-римского дискурса к византийскому. Однако, согласно Люцканову, Иванов и здесь остается европоцентристом, игнорируя сопредельный Византии ареал христианского Востока, обходя «молчанием мираы сирийского (шире: семитического, южнокавказского, иранского, а также коптского и эфиопского) христианства, но вместе с тем тонко присваивая знаковый культурный капитал части как раз этого мира» [30, с. 212]. Поскольку статья имеет подзаголовок «Предварительные замечания», можно ожидать, что дискуссионный вопрос об «ориентализме» Иванова получит дальнейшее развитие.

Впрочем, идея Люцканова отчасти находит подтверждение в содержательной книге И. Шевеленко, написанной в русле культурных исследований (cultural studies). Американская исследовательница концентрируется на дискурсивно-аналитическом выявлении роли модернистской эстетики в формировании русского «национального проекта» позднего имперского периода (до 1914 г.). Ивановская теория мифотворческого символизма, по мысли Шевеленко, стала двигателем смены культурной парадигмы: она предлагала самую «стройную программу инструментализации архаического как орудия культурной трансформации в руках современного художника» [46, с. 110]. Автором — в концептуальном ключе — выстраиваются этапы рецепции и реинтерпретации мифотворческой доктрины Иванова, больше всего повлиявшей на футуристов, но в целом захватившей дискурс не только литературной, но и художественной, театральной и музыкальной критики русского модернизма. В рассуждениях Шевеленко о телеологии русской нации в терминах «всемирного дела» и «вселенского служения» (по модели Рима), предложенной Ивановым в статье «О русской идее» [46, с. 106–108], Люцканов, вероятно, нашел бы дополнительные аргументы в поддержку своей концепции «ориентализма» поэта.

Возвращаясь от междисциплинарных исследований к историко-литературным, необходимо отметить, что в иванововедении на смену первоначальному бурному расцвету приходит период стабилизации и нараста-

ния критической саморефлексии. Все чаще звучат голоса, призывающие к переосмыслению базовых методов, о которых у нас шла речь. Так, Д. Магомедова выдвигает в качестве методологического ключа к пониманию символистской поэтики Иванова категорию «конвергентности», системно раскрывающую идею глубинного единства различных культур. Г. Обатнин рассматривает историю текста как метод его анализа, а Л. Силард развивает идею многомерной герменевтики как наиболее адекватного метода понимания ивановских произведений, поскольку он обеспечивает постепенное восхождение читателя от «материи» текста к его ноуменальным смыслам. Интертекстуальности как беспредметной игре и тривиальным поискам цитатных совпадений Д. Мицкевич противопоставляет задачу целостного описания ивановского творчества с опорой на системообразующие принципы синхронности и релевантности интертекстуальных пластов, позволяющие за необычным языком и философско-религиозной сложностью увидеть подлинный духовный опыт поэта¹⁰.

Подведем итоги. В гуманитарной науке последних двух десятилетий феномен символизма Иванова осваивается с помощью самых разных научных и *иногда* подходов. Исследователи избегают методологического монизма, предпочитая (зачастую интуитивно) комплексные (плюралистические) сочетания методик, направленных на разные аспекты творчества поэта-символиста; они чутко реагируют на модные научные тренды, не всегда рефлексируя по поводу их целесообразности и эклектичности. С другой стороны, усиливаются идеологические и аксиологические подходы, игнорирующие своеобразие символической поэзии, но пристрасно гипертрофирующие некоторые биографические сюжеты (особенно связанные с парарелигиозными и эротическими мотивами). В рамках междисциплинарных исследований литература явно меняет свою специфику: она выступает в роли дискурсивных практик эпохи или служит иллюстративным материалом для определенных интерпретаций истории и культуры, нередко тенденциозных, но эвристичных именно в силу своей «инаковости».

Как это ни парадоксально, но, при всей высокой степени изученности биографии и творчества Вячеслава Иванова, он по-прежнему остается

¹⁰ Статьи названных авторов см.: [24].

загадкой¹¹. По сути, карта методологических подходов к феномену символизма напоминает скорее живой глобус из сна Пьера Безухова. Все на ней движется, реагируя на появление новых исследовательских стратегий и установок, — не только тех, которые мы попытались схематично описать, но и пока неведомых науке.

Список литературы

- 1 *Аверинцев С.С.* «Скворещиц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.
- 2 *Аверинцев С.С.* Культура русского символизма в мировом контексте: К постановке вопроса // Антропология культуры. М.: Вердана, 2004. Вып. 2. С. 9–22.
- 3 *Барзах А.Е.* Материя смысла // Иванов Вячеслав. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Академический проект, 1995. С. 5–64.
- 4 Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: СПбГУ, 2006. 384 с.
- 5 *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2009. 286 с.
- 6 *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: НЛО, 1999. 560 с.
- 7 *Бонецкая Н.К.* Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М.; СПб.: ЦГИ, 2016. 720 с.
- 8 *Вестбрук Ф.* Дионис и дионисийская трагедия. Вячеслав Иванов: филологические и философские идеи о дионисийстве. Амстердам, 2007. 312 с.
- 9 Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. Т. 1. СПб.: РХГА, 2016. 996 с. Т. 2. СПб.: ЦСО. 960 с.
- 10 Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: мат-лы межд. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2002. 328 с.
- 11 Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. 488 с.
- 12 Вячеслав Иванов. Между Святым Писанием и поэзией // Europa Orientalis. Вып. XXI: в 2 ч. Salerno: Università di Salerno, 2002. Ч. I. 413 с. Ч. II. 398 с.
- 13 Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. 348 с.
- 14 Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. 840 с.

¹¹ Во всяком случае, последняя международная конференция (Иерусалим, 2019), приуроченная к 70-летию со дня смерти поэта, так и называлась — “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”.

- 15 Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. 512 с.
- 16 Вячеслав Иванов: исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. 480 с.
- 17 Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. 392 с.
- 18 *Гаспаров М.Л.* Антиномичность поэтики русского модернизма // *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: НЛО, 1995. С. 286–304.
- 19 *Гоготшивили Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006. 720 с.
- 20 *Гоготшивили Л.А.* Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофило-софский аспект) // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 148–175.
- 21 *Зенкин С.Н.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: НЛО, 2018. 368 с.
- 22 Иванов Вяч. По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: в 2 кн. СПб: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Кн. I: Тексты. 432 с. Кн. II: Примечания. 672 с.
- 23 Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903: в 2 т. М.: НЛО, 2009. Т. 1. 753 с. Т. 2. 569 с.
- 24 Историческое и надвременное у Вяч. Иванова: к 150-летию Вяч. Иванова. Салерно, 2017. 416 с.
- 25 История и поэзия: переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- 26 *Кантор В.К.* Перед лицом русской истории XX столетия (Сергей Аверинцев и Вячеслав Иванов) // Вопросы литературы. 2003, № 4. С. 331–343.
- 27 *Келдыш В.А.* Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
- 28 *Кошемчук Т.А.* «Третья жизнь» Вяч. Иванова: История с умолчаниями, оправданиями и обвинениями // Крымский архив. 2015, № 2 (17). С. 128–153.
- 29 *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // ОПОЯЗ.RU. URL: <http://www.opojaz.ru/ivanov/lappo-danilevsky.html> (дата обращения: 02.04.20).
- 30 *Люцканов Й.* География культуры у Вячеслава Иванова: недовоплощенность Византии и неслышимость христианского Востока как недействительность диалогизма // Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: пространство диалога. Новосибирск, 2014. С. 205–223.
- 31 *Магомедова Д.М.* Теория символа в трудах В.М. Жирмунского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: НЛО, 2017. С. 155–161.
- 32 *Мицк З.Г.* Блок и русский символизм: в 3 кн. СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. 478 с.

- 33 На рубеже двух столетий: сб. статей в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: НЛО, 2009. 848 с.
- 34 *Обатнин Г.В.* Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: НЛО, 2000. 240 с.
- 35 *Обатнин Г.В., Постоутенко К.Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.
- 36 Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. 848 с.
- 37 От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: НЛО, 2011. 768 с.
- 38 *Полонский В.В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М.: Наука, 2008. 285 с.
- 39 *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
- 40 *Стенун Ф.А.* Вячеслав Иванов // *Стенун Ф.А.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 221–300.
- 41 *Тамарченко Н.Д., М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский и Вяч. Иванов:* теория романа и его историческая поэтика // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 34–48.
- 42 *Титаренко С.Д.* «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 654 с.
- 43 *Федотова С.В.* Ota e Sempre, или о современном состоянии иванововедения // Studi Slavistici. 2019. Т. XVI. № 1. С. 217–235.
- 44 *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
- 45 *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 256 с.
- 46 *Шевеленко И.Д.* Модернизм как архаизм. Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: НЛО, 2017. 336 с.
- 47 *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // Вяч. Иванов. Достоевский: трагедия — миф — мистика. СПб., 2018 (препринт). С. 7–20.
- 48 *Шишкин А.Б.* Символисты на Башне // Философия. Литература. Искусство. Андрей Белый — Вяч. Иванов — Александр Скрябин. М.: РОССПЭН, 2013. С. 305–340.
- 49 *Эткинд А.М.* Хлыст. Секты, литература и революция. 3-е изд. М.: НЛО, 2019. 648 с.
- 50 *Эткинд Е.Г.* Там, внутри. О русской поэзии XX в. СПб.: Максима, 1996. 568 с.
- 51 *Bird R.* The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov. Wisconsin, 2006. 310 p.
- 52 *Donum homini universali:* сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. 424 с.

- 53 *Dudek A. Wizja kultury w twórczości Wiaczesława Iwanowa. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2000. 271 s.*
- 54 *Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger: Eine Chronik in Briefen. Hrsg. v. M. Wachtel, Ph. Gleissner. Wien: Peter Lang, 2019. 376 s.*

References

- 1 Averintsev S.S. “*Skvoreshnits vol’nykh grazhdanin...*”. *Viacheslav Ivanov: put’ poeta mezhdu mirami* [“Free citizen of starling houses...”: Vyacheslav Ivanov: the poet’s path between the worlds]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 167 p. (In Russ.)
- 2 Averintsev S.S. Kul’tura russkogo simvolizma v mirovom kontekste: K postanovke voprosa [The culture of Russian Symbolism in the global context: Posing a question]. In: *Antropologija kul’tury*. Moscow, Verdana Publ., 2004, issue 2, pp. 9–22. (In Russ.)
- 3 Barzakh A.E. Materiia smysla [The matter of meaning]. In: Viacheslav Ivanov. *Stikhotvoreniia. Poemy. Tragediia* [Poems. Long poems. Tragedy]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, pp. 5–64. (In Russ.)
- 4 *Bashnia Viacheslava Ivanova i kul’tura Serebriianogo veka* [Vyacheslav Ivanov’s tower and the Silver Age culture]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
- 5 Bogomolov N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental’nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary chronicles]. Moscow, Izdatel’stvo Kulaginoi Publ.; Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
- 6 Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul’tizm* [Russian literature at the beginning of the 20th century and occultism]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)
- 7 Bonetskaia N.K. *Dukh Serebriianogo veka (fenomenologija epokhi)* [The spirit of the Silver Age (phenomenology of the era)]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrgumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 720 p. (In Russ.)
- 8 Vestbruk F. *Dionis i dionisiiskaia tragediia. Viacheslav Ivanov: filologicheskie i filosofskie idei o dionisiistve* [Dionysus and the Dionysian tragedy. Vyacheslav Ivanov: philological and philosophical ideas about Dionysianism]. Amsterdam, 2007. 312 p. (In Russ.)
- 9 *Viach. Ivanov: pro et contra, antologija: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.]. St. Petersburg, Russkaia Khristianskaia Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2016. Vol. 1. 996 p.; St. Petersburg, Education Promotion Center Publ., 2016. Vol. 2. 960 p. (In Russ.)
- 10 *Viacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaia kul’tura: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – world culture. Proceedings of international conference 9–11 September 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publishers, 2002. 328 p. (In Russ.)

- 11 *Viacheslav Ivanov. Arkhivnye materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov. Archival materials and research]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999. 488 p. (In Russ.)
- 12 *Viacheslav Ivanov. Mezhdru Sviatym Pisanieim i poeziei* [Vyacheslav Ivanov. Between the Holy Scripture and poetry]. *Europa Orientalis*. Issue XXI. In 2 vols. Salerno: Università di Salerno Publ., 2002. Vol. I. 413 p. Vol. II. 398 p. (In Russ.)
- 13 *Viacheslav Ivanov – tvorcestvo i sud'ba: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov. Creativity and Fate. On the 135th anniversary]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 348 p. (In Russ.)
- 14 *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: research and materials]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010. Issue 1. 840 p. (In Russ.)
- 15 *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: research and materials]. St. Petersburg, Russkaia Khristianskaia Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2016. Issue 2. 512 p. (In Russ.)
- 16 *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: research and materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. Issue 3. 480 p. (In Russ.)
- 17 *Viacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and research]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 392 p. (In Russ.)
- 18 Gasparov M.L. Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma [The antinomianism of the poetics of Russian modernism]. In: Gasparov M.L. *Izbrannye stat'i* [Selected works]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1995, pp. 286–304. (In Russ.)
- 19 Gogotishvili L.A. *Nepriamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006. 720 p. (In Russ.)
- 20 Gogotishvili L.A. Retseptsiia simvolizma v gumanitarnykh naukakh (lingvofilosofskii aspekt) [The reception of symbolism in the humanities (linguophilosophical aspect)]. In: *Literaturovedenie kak literatura: sb. v chest' S.G. Bocharova* [Literary criticism as literature. Collection of articles in honor of S.G. Bocharov]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 148–175. (In Russ.)
- 21 Zenkin S.N. *Teoriia literatury. Problemy i rezul'taty* [Theory of literature. Problems and results]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
- 22 Ivanov Viach. Po Zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy: v 2 kn. [By the stars. Philosophical, aesthetical, and critical essays. Articles and aphorisms: in 2 books]. In: Viacheslav Ivanov. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. St. Petersburg, Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom" Publ., 2018. Vol. 1. Book I: Teksty [Texts]. 432 p. Book II: Primechaniia [Comments]. 672 p. (In Russ.)
- 23 *Ivanov Viacheslav, Zinov'eva-Annibal Lidiia. Perepiska: 1894–1903; v 2 t.* [Ivanov Vyacheslav, Zinoviev-Annibal Lydia. Correspondence: 1894–1903; in 2 vols.]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009. Vol. 1. 753 p. Vol. 2. 569 p. (In Russ.)
- 24 *Istoricheskoe i nadvremennoe u Viach. Ivanova: k 150-letiiu Viach. Ivanova* [Historical and timeless in Vyacheslav Ivanov: On the 150th anniversary of Vyach. Ivanov]. Salerno, 2017. 416 p. (In Russ.)

- 25 *Istoriia i poeziia: perepiska I.M. Grevs a i Viach. Ivanova* [History and poetry: Correspondence of I.M. Grevs and Vyach. Ivanov]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p. (In Russ.)
- 26 Kantor V.K. Pered litsom russkoi istorii XX stoletii (Sergei Averintsev i Viacheslav Ivanov) [Face to face with Russian history of the 20th century (Sergey Averintsev and Vyacheslav Ivanov)]. *Voprosy literatury*, 2003, no 4, pp. 331–343. (In Russ.)
- 27 Keldysh V.A. *Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoi i literaturno-kriticheskoi mysli Serebriannogo veka russkoi literatury* [The legacy of F.M. Dostoevsky in the philosophical and literary thought of the Russian's Silver Age]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 280 p. (In Russ.)
- 28 Koshemchuk T.A. “Tret'ia zhizn'” Viach. Ivanova: Istoriia s umolchaniiami, opravdaniiami i obvineniiami [“The Third Life” of Vyach. Ivanov: A story with omissions, justifications, and accusations]. *Krymskii arkhiv*, 2015, no 2 (17), pp. 128–153. (In Russ.)
- 29 Lappo-Danilevskii K.Iu. Trudy A.N. Veselovskogo i bakinskie lektsii Viach. Ivanova po poetike [Works by A.N. Veselovsky and Vyach. Ivanov's lectures on poetics in Baku]. *OPOIaZ.RU*. Available at: <http://www.opojaz.ru/ivanov/lappo-danilevsky.html> (Accessed 02 April 2020). (In Russ.)
- 30 Liutskanov I. Geografiia kul'tury u Viacheslava Ivanova: nedovoploshchennost' Vizantii i neslyshimost' khristianskogo Vostoka kak nedeistvitel'nost' dialogizma [Geography of culture by Vyacheslav Ivanov: Byzantium's under-embodiment and the inaudibility of the Christian East as the inefficacy of dialogism]. In: *Metamorfozy kul'tury na rubezhe tysiacheletii: prostranstvo dialoga* [Millennium culture metamorphoses: A space of dialogue]. Novosibirsk, 2014, pp. 205–223. (In Russ.)
- 31 Magomedova D.M. Teoriia simvola v trudakh V.M. Zhirmunskogo [The theory of the symbol in the writings of V.M. Zhirmunsky]. In: *Epokha “ostraneniia”. Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The era of “defamiliarization.” Russian formalism and the humanitarian knowledge]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017, pp. 155–161. (In Russ.)
- 32 Mints Z.G. *Blok i russkii simvolizm: v 3 kn.* [Blok and Russian symbolism: in 3 books]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2004. Book 3: *Poetika russkogo simvolizma* [The poetics of Russian symbolism]. 478 p. (In Russ.)
- 33 *Na rubezhe dvukh stoletii: sb. statei v chest' 60-letii A.V. Lavrova* [At the turn of the century. Collection of articles in honor of the 60th anniversary of A.V. Lavrov]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)
- 34 Obatnin G.V. *Ivanov-mistik. Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919)* [Ivanov-Mystic. Occult motives in poetry and prose by Vyacheslav Ivanov (1907–1919)]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2000. 240 p. (In Russ.)

- 35 Obatnin G.V., Postoutenko K.Iu. Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod (materialy k teme) [Vyacheslav Ivanov and the formal method (materials on the subject)]. *Russkaia literatura*, 1992, no 1, pp. 180–187. (In Russ.)
- 36 *Okno iz Evropy. K 80-letiiu Zhorzha Niva* [Window from Europe. On the 80th anniversary of Georges Niva]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2017. 848 p.
- 37 *Ot Kibirova do Pushkina: sb. v chest' 60-letia N.A. Bogomolova* [From Kibirov to Pushkin (Collection of articles in honor of the 60th anniversary of N.A. Bogomolov)]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011. 768 p. (In Russ.)
- 38 Polonskii V.V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka* [Mythopoetics and dynamics of the genre in Russian literature at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 285 p. (In Russ.)
- 39 Silard L. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and hermeneutics]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)
- 40 Stepun F.A. Vyacheslav Ivanov [Vyacheslav Ivanov]. In: *Misticheskoe mirovidenie. Piat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical vision. Five images of Russian symbolism]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 221–300. (In Russ.)
- 41 Tamarchenko N.D. M.M. Bakhtin, A.N. Veselovskii i Viach. Ivanov: teoriia romana i ego istoricheskaia poetika [M.M. Bakhtin, A.N. Veselovsky and Vyach. Ivanov: the theory of the novel and its historical poetics]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2007, no 2 (5), pp. 34–48. (In Russ.)
- 42 Titarenko S.D. “Faust nashego veka”: mifopoetika Viacheslava Ivanova [“Faust of Our Century”: Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 654 p. (In Russ.)
- 43 Fedotova S.V. Ora e Sempre, ili o sovremennom sostoianii ivanovovedeniia [Ora e Sempre, or about the current state of Ivanov studies]. *Studi Slavistici*, 2019, vol. XVI, no 1, pp. 217–235. (In Russ.)
- 44 Khanzen-Leve A. *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaia simbolika* [Russian symbolism. The system of poetic motives. Mythopoietic symbolism. Space symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 816 p. (In Russ.)
- 45 Tsimborska-Leboda M. *Eros v tvorchestve Viacheslava Ivanova. Na puti k filosofii liubvi* [Eros in the legacy of Vyacheslav Ivanov. On the way to the philosophy of love]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publishers, 2004. 256 p. (In Russ.)
- 46 Shevelenko I.D. *Modernizm kak arkhazm. Natsionalizm i poiski modernistskoi estetiki v Rossii* [Modernism as archaism. Nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)
- 47 Shishkin A.B. Viacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke [Vyacheslav Ivanov and the disclosure of Dostoevsky in the 20th century]. *Viach. Ivanov. Dostoevskii:*

- tragediia – mif – mistika* [Dostoevsky: tragedy – myth – mysticism]. St. Petersburg, 2018 (preprint), pp. 7–20. (In Russ.)
- 48 Shishkin A.B. Simvolisty na Bashne [Symbolists in the Tower]. *Filosofia. Literatura. Iskusstvo. Andrei Belyi – Vyach. Ivanov – Aleksandr Skriabin* [Philosophy. Literature. Art. Andrey Bely – Vyach. Ivanov – Alexander Scriabin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 305–340. (In Russ.)
- 49 Etkind A.M. *Khlyst. Sekty, literatura i revoliutsiia* [Khlysts. Sects, Literature and Revolution], 3rd ed. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. 648 p. (In Russ.)
- 50 Etkind E.G. *Tam, vnutri. O russkoi poezii XX v.* [There, inside: On Russian poetry of the 20th century]. St. Petersburg, Maksima Publ., 1996. 568 p. (In Russ.)
- 51 Bird R. *The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov*. Wisconsin, 2006. 310 p. (In English)
- 52 *Donum homini universali: sb. statei v chest' 70-letii N.V. Kotreleva* [Donum homini universali. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of N.V. Kotrelev]. Moscow, OGI Publ., 2011. 424 p. (In Russ.)
- 53 Dudek A. *Wizja kultury w tworczości Wiacesława Iwanowa*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2000. 271 s. (In Polish)
- 54 *Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger: Eine Chronik in Briefen*. Hrsrg. v. M. Wachtel, Ph. Gleissner. Wien, Peter Lang, 2019. 376 s. (In German)